

А. А. Селин

ОБ «ИЗМЕНАХ» В НОВГОРОДЕ В 1611–1616 ГОДАХ¹

Понятие об измене широко входит в политический обиход Московского государства в 1560-е годы. После почти полного отказа от политики репрессий в годы правления и царствования Бориса Федоровича Годунова обвинения в измене надолго исчезают и вновь в большом числе появляются на страницах источников с началом Смуты, в первую очередь после прихода на Северскую Русь первого Лжедмитрия и начала гражданской войны в Московском государстве, и особенно — в 1606–1607 г., когда возникает проблема иностранного присутствия и одновременно двух постоянно сосуществующих лагерей (первоначально — Тушинского и Кремлевского). Появившись в официальной идеологии, термины «измена», «изменничий» и т. п. появляются и в языке московской деловой документации (в данном случае под «московской» мы подразумеваем не документы, созданные в Москве, а документы, появившиеся в московской традиции делопроизводства, в том числе и составленные в Новгороде). Ранее мы обращались к одному документу того времени, где обвинение в тривиальном «воровстве» — ограблении свадебного поезда — сопровождается для большей убедительности обвинением в «измене»². Достаточно хорошо известно, что обвинения в измене содержатся в обширной полемической литературе Смутного времени (отметим здесь, в первую очередь, не раз издававшийся Временник Ивана Тимофеева, часто служивший основным источником для иллюстрации, а то и исследования новгородской повседневной жизни Смутного времени). С легкой руки С. Ф. Платонова мы знаем о «перелетах» — тех, кто служил то тушинцам, то Шуйскому, в зависимости от своих сиюминутных выгод³. О таких «перелетах» яркое представление дают и памятники деловой документации. Так, летом 1613 г. в Новгороде разбиралась челобитная князя Семена Афанасьевича Мещерского на своего двоюродного брата Богдана⁴, в которой тот описывает так его «приключения» в годы Смуты: «а сын, государи, князь Кудеяров, князь Богдан, был в измене у вора во Пскове, отъехал от нас из Орешка, изменил и крест поцеловал на Ивангород к вору, а преж, государи, тот князь Богдан изменил, с Москвы отъехал к вору в

¹ This work was supported by the Sweden Institute. Эта работа написана при поддержке Шведского института.

² Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб. 1999. Вып. 2. С. 186–197.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. 5-е изд. М., 1995. С. 272.

⁴ Этот князь Семен Афанасьевич Мещерский был к тому же родным братом порховского воеводы кн. И. А. Мещерского. Их родство с кн. Б. М. Мещерским фиксируется Кормленной книгой Галицкой четверти 1604 г. — в ней упомянут получивший оклад в 5 рублей кн. Булат, княж Михайлов с. Мещерской, а «деньги взял брат его двоюродной, князь Иван князь Офонасьев сын» (См.: Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. // Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 г.). Смутное время Московского государства 1604–1613. М., 1912. Вып. 9. С. 37).

табары, и от вора отъехал к королю в Литву, и из Литвы к Москве, и нынеча, государи, тот князь Богдан приехал изо Пскова к вам, великим бояром в Новгород...»⁵

Нестабильная и напряженная политическая ситуация в России начала XVII в. ставила историков XIX–XX в. перед необходимостью оценивать события Смуты в рамках современной им политической конъюнктуры. В связи с этим определение «изменник» в историографии применялось к деятелям той эпохи в зависимости от политических пристрастий историка (проромановская позиция историков XIX в., антишведская в 1940-х г. и т. д.⁶). Мы далеки от того, чтобы попытаться оценить, кого в действительности в политической жизни Новгородской и Московской земель начала XVII в. считали изменниками, но готовы рассмотреть, как термины «измена» и «верность» употреблялись в деловой документации Новгорода 1611–1616 г.

Хорошо известно, что после ухода шведского корпуса из Новгорода в 1617 г. генерал Яков Делагарди для каких-то своих целей вывез в Швецию большую часть архива Новгородской приказной избы. Ныне эти документы хранятся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. Архив состоит из двух частей (серий). В первую входят кадастровые описания, составителями которых являлись новгородские чиновники, во вторую — дела, ведшиеся в разных новгородских учреждениях 1611–1616 г. Именно вторая серия изобилует документами частного происхождения, наиболее адекватно отражающими повседневную жизнь города и округа в годы совместной новгородско-шведской администрации. Громадное большинство этих документов — это дела о поместьях. Поместный оклад для человека этой эпохи — элемент жизненной необходимости. Именно поместье, земля давали возможность в то время прокормиться, не умереть с голоду. Неразвитость финансовой системы, традиционная для Русского государства, проявилась в годы Смуты особенно ярко. Достаточно заметить, что денежные оклады подьячих в начале XVII в. были заменены поместными. Особенно широкий характер раздачи поместий приказной бюрократии получили в Новгороде в годы администрации Делагарди и Горна.

Вообще в Новгороде в годы совместной шведско-новгородской администрации приказная прослойка начинает играть большую роль, несравненно большую, нежели в предшествующее время. На это указывает два обстоятельства. Во-первых, начиная уже с 1611 года начинает именоваться с «вичем», то есть с полным отчеством значительно большее число людей, нежели в предшествующее время или даже в то же время, но в других областях Московского государства. Во-вторых, приблизительно с 1612 г. подьячие «против денежного жалованья» получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими, причем рубль денежного жалования приравнивается к 10 четвертям поместного оклада⁷. Это много: прожиточное поместье вдовы сына боярского

⁵ Дело по челобитной о поместье князя Кудеяра Мещерского, описанного на государя // Ockupationsarkivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 230. Л. 7.

⁶ Достаточно привести пример оценки в русской историографии личности В. И. Бутурлина в событиях весны—лета 1611 года в Новгороде. Этот вопрос рассмотрен подробно П. В. Седовым (См.: Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. Вып. 4 (14). С. 126.).

⁷ «По государеву указу против денежного жалованья Василию против 22 рублей 220 чети, а Лариону против 15 рублей 150 чети». Дело по челобитной о поместье Васки Чистого и Лариона Лазарева до 1614. 9.09 // Ockupationsarkivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 186. Л. 83–89. Замена денежного оклада подьячих поместным воспринималась как временная мера, ср.: «Того ж числа (4 ноября 1613 г. — А. С.) дана отдельная грамота подьячему Семену Шутову на Романово поместье Солецкого... как учнут давати государеву денежное жалованье, и те пошлянные деньги зачесть в оклад...» (См.: Книги приходные трех пятин Деревские и Вотцкие и Шелонские 122 года, а в них записка пошлянным деньгам с поместных дел. 1613/14 // Там же. Serie I: 44. Л. 35.).

Об обеспечении дьяков и подьячих в более раннее время см.: Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков за службу в Новгороде в XVI в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С. 85–90. Есть, впрочем, сведения о том, что и в конце XVI в. подьячие жаловались поместьями. В 1596 г. отставленный подьячий Ждан Алабухин был лишен своего поместья в Усть-Волмском погосте Деревской пятины, размер которого составлял 50 четвертей. Не думаем, чтобы это было единственным жалованьем подьячего, скорее, поместный оклад был дополнительным по отношению к денежному (Грамота на поместье Саввину монастырю, бывшее за подьячим Жданом Алабухиным. 1596. 15.06 // Краткая летопись о монастыре преп. Саввы. СПб., 1849. С. 25–27).

составляло 50–100 четвертей, а годовой оклад земского дьячка (они, разумеется, поместного жалования не получали) — 7 рублей⁸, оклады же новгородских подьячих средней руки составляли от 80 до 250 четвертей. Как отметила в своей недавней работе Е. И. Кобзарева, особенно в 1613–1615 г. именно подьячие записывают за себя новых холопов, а традиционные холоповладельцы — новгородские дворяне и дети боярские — уже не могут себе этого позволить⁹.

Наиболее часто в челобитных новгородских помещиков встречается фраза о том, что прежний помещик «отъехал во Псков» (вар.: «к Московским людям», «в Осташков»): «А Елизарей де <Самсонов сын> Пушин государю королевичю изменил, отъехал во Псков»¹⁰, Петр Нармацкий просил себе изменничье поместье Андрея Палицына «за то что он изменил, отъехал из Новагорода к Москве»¹¹. «Измена» ставится отъехавшим в вину и дает право претендовать на поместье, такое земельное владение приравнивается к выморочному. В качестве же собственной заслуги обычно указывается верность (как противоположность измене) и неустроенность, так: «служу 15 лет безпоместно» и т. п. В то же время изменой назывался не только отъезд во Псков, к Московским людям и т. п., но и просто из Новгорода, к себе в поместье. «А у выписки Пятай Мусин сказал: князь Федор да князь Захарей князь Богдановы дети Кропоткина да Иван Иванов с. Коротнев да Роман Бабкин з государевы службы из Великого Новагорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»¹² Часто в качестве обоснования необходимости собственного испомещения челобитчики указывали на невозможность владения уже имеющимся поместьем, где эта невозможность возникла из-за политических обстоятельств, то есть, строго говоря, по вине правительства, к примеру: «а в даче за мною сто четьи, и то ноне за воры, я им не владею»¹³, «а поместья за мною холопом твоим в Обонежской пятине на Пчшеуже да на Сяси семдесят две чети с полосминою, а то, государь, мое поместьецо блиско Тихвины и разорено до основанья, и яз холоп твой им не владею с тех мест, как на Тихвине тебе, государю изменили»¹⁴.

Здесь мы рассмотрели наиболее простой вариант, когда челобитчик почти автоматически получает такое изменничье поместье, ибо ответчик (то есть изменник) находится вне досягаемости политической власти правительства. Однако большинство рассматриваемых казусов гораздо сложнее и включает в себя состязание сторон. В этом отношении характерен спор из-за усадища Иккуево в Ижерском погосте между сыном боярским Дмитрием Ивановым, сыном Тырковым и вдовой Антония Чортова Маврой. Вдову поддерживал ее зять, муж дочери Мавры и Антония Натальи помещик Деревской пятины Артемий Пуляев (известный в будущем как один из членов новгородского посольства в Выборг для встречи принца Карла Филиппа, а после 1616 г. получивший чин жильца в Москве¹⁵). Характерно, что спор из-за поместья возник еще в 1611 году, когда Артемий только что женился на Наталье «и, женися, о том их прожиточном поместье бил челом

⁸ Книги приходные государевым всяким денежным доходам, что собирал воевода Микита Васильев Вышеславцев. 1611/12 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarchivet, Stockholm. Serie I: 90. Л. 16.

⁹ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города (1611–1615 годы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. С. 80–85.

¹⁰ Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова с. Неелова. Не позднее 1612/13 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarchivet, Stockholm. Serie II: 130. Л. 3.

¹¹ Дело об отписном хлебе по челобитью Семена Палицына и об отдаче поместья А. Палицына Петру Нармацкому. дек. 1611–март 1612 // Там же. Serie II: 111. Л. 29–37.

¹² Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева с. Мусина. 1611. 3.05 // Там же. Serie II: 132. Л. 9.

¹³ Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова с. Неелова. Не позднее 1612/13 // Там же. Serie II: 130. Л. 1.

¹⁴ Дело по челобитью о поместье Васки Чистого и Лариона Лазарева до 1614. 9.09 // Там же. Serie II: 186. Л. 83–89.

¹⁵ В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу, написанной ранее 19.03.1616 г., А. Пуляев писал о своих подвигах дошведского периода: «Да мне же, холопу твоему, придано при царе Василье же Ивановиче в московскую осаду за мои службы и за руку, как меня ранили на бою в Духов день, восемь рублей» (Разрядные столбцы 122–124 г. сыска денежных окладов // Сухотин Л. М. Четвертники Смутного времени (1604–1617 г.). С. 225–226). Артемий Пуляев упомянут как служащий по Московскому списку также в 7135 и 7137 г. ([Иванов П.] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении МАМЮ. М., 1853. С. 343).

под Ладогою Ивану Салтыкову...»¹⁶ Свадьба произошла в великий мясоед 7119 года, т. е. после Рождества, значит, челобитная Ивану Салтыкову была подана, скорее всего, до весны 1611 года, когда в Новгородской земле Салтыков и Плещеев были еще в силе. Однако Дмитрий Тырков оспаривал челобитную Мавры и ее зятя Пуляева следующим образом: во-первых, Наталья умерла в Ильин день (т. е. 20 июля) 1611 г., пробыв замужем 3—4 месяца, и ее муж Артемий Пуляев более не имеет прав на бывшее ее прожиточное поместье, а, во-вторых, вдова Мавра, мать Натальи, ни в чем не нуждается, так как живет в Орешке. Заметим, однако, что Орешек в первой половине 1611 года еще не был занят шведами и не подчинялся администрации Новгорода¹⁷; указание на то, что вдова живет в Орешке было своеобразным доносом об измене. При этом Тырков уверяет руководителей Новгорода в своей верности и беззаветной службе: «а я, государи, пять лет живу з женишкою и с людишками, волочюся меж двор, а поместье, государи, мое пусто в Копорском уезде, а тем, государи, завладели воры Иваногородские и Копорские, а о Тесовском, государи, кругу мы били челом вам, государи, на пристани¹⁸, и вы, государи, отказали, не дали, а велели приискивати, а мне, государи, головы приклонити негде...»¹⁹ В то же время выясняется, что Мавра Чортова била челом в Новгород, находясь в стане политических противников Новгородской администрации. Занятно, что, споря с Тырковым уже в 1613 году, Пуляев своеобразно апеллирует к принимавшему решение боярину Одоевскому: «а что Иван Салтыков дал мне грамоту о поместье, о том ведомо князю Ивану Большому Одоевскому, ... и грамота моя у подъячих утерялась»²⁰. Дополнительным аргументом, приведенным Дмитрием Тырковым в свою пользу, было то, что он выехал на государеву сторону из Пскова, из враждебного лагеря. Характерен и боярский приговор по этому делу: не давать это поместье никому из названных челобитчиков, фактически приравнять его к выморочным и дать беспоместному новику Даниле Скрипицыну²¹.

Часто получив изменничье поместье, сын боярский вскоре и сам оказывался в лагере изменников. В этом отношении характерно дело о поместье отъехавшего во Псков Василия Ефимьева сына Колобова, на которое в мае-июне 1615 г. претендовало трое детей боярских Водской пятины. При выяснении дела обнаружилось, что в 118 (1609/10) г. Василию Колобову, в свою очередь, было отделено «в Вотцкой пятине в Дягиленском погосте... изменничья поместья Линева...»²² Линева в то время мог быть изменником по отношению к царю Василию Шуйскому, т. е. тушинцем.

Взаимные обвинения друг друга в измене новгородскими дворянами и детьми боярскими возникали в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в Новгороде — победы той

¹⁶ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04—1613. 6.03 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 138. Л. 12. Интересно, что они сговорились жениться еще в 116 (1607/08) г., еще при жизни отца невесты, Антония Чортова, которого на «государеве службе на Москве не стало», вероятно, примерно в это время.

¹⁷ 1 апреля 1611 г. Делагарди сообщал королю, что жители Нотебурга 3 недели назад вместе с другими крепостями, кроме Пскова, Ивангорода, Ямы, Копорья, отреклись от поляков и соединились друг с другом. Город принял администрацию из Новгорода только после мая 1612 г. (Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918; СПбИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. Л. 14, 43).

¹⁸ Вероятно, «Тесовский круг» состоялся в конце мая 1611 г., когда Я. Делагарди отвел свои войска от Новгорода. О местоположении Тесовской пристани мы писали в одной нашей работе (См.: Селин А. А. Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 119—124.).

¹⁹ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04—1613. 6.03 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 138. Л. 17—18.

²⁰ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04—1613. 6.03 // Там же. Serie II: 138. Л. 38.

²¹ Интересно, что Данило Скрипицын получил это поместье приблизительно 6 марта 1613 г. В то же время, уже 13 ноября этого года, в Московской Владимирской чети была выдана память на придачу к денежному окладу сыну боярскому Водской пятины Даниле Алексееву с. Скрипицыну к 5 рублям. Таким образом, весной он получил поместный оклад в Новгороде, а уже в конце осени получал деньги во Владимирской чети в Москве, т. е. изменил Новгородскому правительству.

²² Дело по челобитью о поместье Федора Мисюрева с. Бестужева, Григорья Петрова Хомутова, Ивана и Михаила Александровых Сусловых. 1615, май—июнь // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 113. Л. 1—0.

или иной группировки. Так, в 1610–1611 годах крупными фигурами Новгородской администрации являлись Иван Салтыков и Лев Плещеев. После установления в Новгороде администрации Делагарди — Одоевского оба этих деятеля (Салтыков к тому времени уже казненный новгородцами) стали считаться изменниками. Это обстоятельство использовали в борьбе за поместья новгородские дети боярские, обвиняя друг друга в связи с ними. Рассмотрим дело о выморочном поместье Ильи Плещеева, ведшееся в 1611–1613 г. Уже упоминавшийся помещик Деревской пятины Пятый Ратаев сын Мусин бил челом о поместье Ильи Плещеева, утверждая, что в 1610 г. «завладел тем Ильинским поместьем Плещеева без дачи (то есть, без отдела государственным чиновником) сын его Артемей»²³, в то время как уже существовало решение об отделе этого поместья Пятому Ратаеву сыну Мусино, но «тот Артемей Плещеев приехал в Великий Новгород с Иваном с Салтыковым да со Лвом Плещеевым и его де ис того поместья высрал вон насилством, не бив челом бояром и без указу то поместье у нас отнял»²⁴. При этом попытки Пятого Мусина жаловаться тогдашней тушинской администрации ни к чему не привели: «И он де того Ортемья в том его насилстве о том своем поместье бил челом Ивану Салтыкову, и его де Максима²⁵ Иван Салтыков бил и в тюрьму сажал, а тот деи Ортемей со Лвом Плещеевым в ызмене и в воровстве с литовскими людьми, а мать его Олена²⁶ и брат де его Матвей в том поместье живут насилством»²⁷.

Известно, что особая роль в истории Новгорода времен оккупации принадлежит митрополиту Новгородскому и Великих Лук Исидору. Этот человек все годы Смуты играл для новгородцев роль стабилизатора, ходатая перед светскими властями за свою паству, как перед шведами, так и перед москвичами. Так, именно митрополит в один из критических для Новгорода дней, 16 мая 1611 года, когда Салтыковы и их сторонники были уже признаны изменниками, вступился за упомянутую вдову Ильи Плещеева, Елену Матфееву дочь, когда светская администрация В. Бутурлина и И. Одоевского уже велела «Ортемьеву мать Плещеева и сына ее Матвея Плещеева и их людей высрлати вон со всем их животом и крестьяном их ни в чем слушати не велено»²⁸. Видимо, митрополит был последней надеждой вдовы Елены, в своей челобитной она отходит от привычного формуляра: «Била челом Московского государства бояром вдова Олена Ильинская жена Плещеева с своею дочерью с Марьею, как де мужа ее в животе не стало, и после деи мужа ее тем мужа ее поместьем пожаловал царь и великий князь Василей Иванович всея Руси, ее вдову з детми. И во 119 году на зиме из Великого Новагорода сын ее Ортемей послан к Москве, и про то де она не сведает, что сын ее на Москве жив или мертв, другой де ее сын Матвей Плещеев лежит от ран болен, ноги переломаны. И о том деи ее поместье бьет челом бояром Деревские пятины сын боярской (то есть Пятой Мусин — А. С.) по своему старому ложному челобитью...»²⁹

Мы располагаем другим любопытным документом, связанным с новгородским митрополитом и тем отношением, которое он был вынужден высказывать к враждующим сторонам русского

²³ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна—1613. 31.05 // Там же. Serie II: 186. Л. 49.

²⁴ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна—1613. 31.05 // Там же. Serie II: 186. Л. 50.

²⁵ Максим, вероятно, крестильное имя Пятого Мусина.

²⁶ Отдел поместья вдове Ильи Плещеева произошел 3 июня 1611 года (См.: Отдел прожиточного поместья вдове И. Плещеева в Ситенском погосте Деревской пятины. 1611. 3.06 // Riksarchivet, Stockholm // СПбФИРИ. М/ф 296 (без пагинации)). 1 января этого года Плещеев был еще жив, в этот день ему было отделено поместье в Полоновском погосте (См.: Отдел поместья И. Ф. Плещееву в Полоновском погосте Деревской пятины. 1611. 11.01 // Riksarchivet, Stockholm // СПбФИРИ. М/ф 296 (без пагинации)).

²⁷ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна—1613. 31.05 // Ockupationsarkivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 186. Л. 50.

²⁸ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна—1613. 31.05 // Там же. Serie II: 186. Л. 52–53.

²⁹ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна—1613. 31.05 // Там же. Serie II: 186. Л. 53–54.

общества. Этот документ касается борьбы новгородцев с белозерцами, сторонниками московского царя Михаила Федоровича, за Тихвин монастырь. Традиционно в Романовской и большевистской историографии господствовала точка зрения правоты московской стороны, хотя еще И. П. Мордвинов обращал внимание на то, что в столкновениях под Тихвином с обеих сторон принимали участие русские люди³⁰. И вот как вынужден был высказаться митрополит Исидор: «идти им <ратным людям> на богоотступников на полских и на литовских и на русских воровских людей, на тех, которые полские и литовские и русские воровские люди в Обонежской пятине монастырь Пречистые Богородицы Тихвинские и иные монастыри выграбили, и у чудотворного образа пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад обобрали, и монастыри разорили и посад Тихвинской выжгли и Тихвинского игумена Иосифа и старцов и слуг и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поимали, и ныне воюют и разоряют многие места до основанья, а то розных денег с митрополита и с монастыри взято»³¹. Этот текст, по всей вероятности, записан еще до начала основных боевых действий под Тихвином, однако направленность его именно против «героических защитников» Тихвина монастыря, которых в Новгороде называли «польскими и русскими воровскими людьми». Вообще говоря, действия под Тихвином в 1612–1613 г. воспринимались в Новгороде так же, как измена. Вот такая характеристика дана тамошним событиям в челобитной о поместье Анцы (Ганса) Брякилева, шведа, испомещенного в 1612 г. в Обонежской пятине: «Было, государь, за мною, холопом твоим твое государево жалованье поместейцо в Обонежской пятине в Воскресенском погосте меж Тихвины и Ладоги на Сяси. И как, государь, на Тихвине тебе, государю, изменили, и то, государь, поместейцо мое от воровских и литовских людей разорено...»³²

Другой, более яркий пример. В конце 1612 г. в Деревской пятине возникло дело о поместье в связи с «изменой» известного в будущем новгородского дьяка Филиппа Арцыбашева. О поместье бил челом его брат, Семен Матвеев сын³³: «служу, государи, я пятнадцать лет, а оклад мне поместной пятьсот четверти, а поместьяца, государи, за мной нет ни одной четверти, а живу, государи, я в Новгороде без съезду... [пожалуй, государь,] отца моего Матвеевым поместьем Арцыбашева, а брат, государи, которой служил в отца моего место нонече во Пскове...» — так мягко он сообщил об отъезде брата, по сути — «измене»³⁴. На то же поместье претендовал другой сын боярский, новик Осип Дружинин сын Оничков, так описывавший отъезд Филиппа: «а тот, государь, Филипп отъехал во Псков с Ывашком с Севериным, остался, государь, отец его стар и слеп да мать, а два брата, государь, большие верстаны надвои, и те не служат, живут дома, а третей, государь, мал, не служит же...»³⁵ Вскоре появились и еще претенденты, о которых следует сказать особо, «беспоместные детишки боярские»: псковский помещик Михалка Воинов сын Ордин Нащокин да пусторжевский помещик Омельяно Дмитриев сын Ростиславской, причем Ордин Нащокин указал себе оклад в 750 четвертей, а Ростиславский — в 900. Такие поместные оклады являлись беспрецедентными, в известных нам новгородских десятиях рубежа XVI–XVII в. 750-четвертной оклад был максимальным и жаловался лучшим детям боярским, такой оклад должен был совпадать с высшей точкой карьеры новгородского дворянина. Ростиславский и Ордин Нащокин выехали из соседних «воровских» уездов. Их слова об окладах в Новгороде в 1612 г. проверить никто не мог — все данные о верстании помещиков соседних уездов находились в

³⁰ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 20–21.

³¹ Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 112–120 г. // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie I: 136. Л 767–768.

³² Дело по челобитью о поместье Анцы Брякилева. 1613, осень // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 19.

³³ И Семен Арцыбашев, и его отец Матвей, и его дядя Федор упоминаются в Кормленной книге Галицкой четверти еще в 1604 г. (См.: Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. С. 17, 28).

³⁴ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. сент. 1612 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarkivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 229. Л. 1.

³⁵ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. сент. 1612 // Там же. Serie II: 229. Л. 2.

Москве и, соответственно, во Пскове и Ржеве Пустой (строго говоря, в Заволочье), занятых в то время противниками Новгородского правительства³⁶. Новгородскую администрацию было не так легко провести, «бояре и воеводы» приговорили отказать псковичу и пусторжевцу, «потому что оне в челобитьях своих написали оклады себе великие, по девятысот, а иному по семисот, по штысот четверти, а в Новгороде их окладов версталных списоков нет...»³⁷ Результатом же челобитий Аничкова и Арцыбашева был розыск, в ходе которого выяснилось, что «служил с его Матфеева поместья (Арцыбашева — А. С.) сын его Филип, и сын его Филип своровал, отъехал во Псков, да и потому ж, как шол королевского величества ратной воевода Иверн Горн Карлусович с ратными людми³⁸, и тот Матфеев сын Филип своровал, Иверн Горна Карловича на двор стояти не пустил, и говорил непригожие слова, а Осип Оничков службы служит, а поместья за ним не было ни одной чети...» Однако согласно приговору воевод, спорное поместье все же разделили между братом Филиппа Семеном и Осипом Оничковым³⁹.

Согласно сложившемуся в историографии мнению, в годы правления Новгородом администрации Делагарди-Одоевского широко практиковалось взятие поручных грамот с дворян и детей боярских, в которых те ручались за представителей своей корпорации об их неотъезде к политическим противникам (такая практика в русской истории стала, как нам известно, применяться еще при Иване Грозном, когда понятие измены широко использовалось в политической риторике). Как представляется нам, это мнение базировалось на опубликованных во втором томе Дополнений к Актам историческим двух поручных грамотах 1613 и 1614 года⁴⁰. Одна из них — по семье Парфения Нарбекова, другая — по князе Ефиме Мещерском (вероятно, родственнике отъехавшего кн. Юрия Мещерского — см. ниже). В ходе наших исследований в Riksarchivet, выяснилось, что во всяком случае первая из этих грамот не является частью большой серии документов — поручных записей, а связана с конкретным делом об отъезде Парфения Нарбекова из Новгорода и составлена с целью предотвращения «измены» его родственников. Первая часть дела, к которому относилась эта грамота, найдена нами в Стокгольме. Дело происходило осенью 1613 года.

«Лета 7122 октября в 29 день по приказу государевых бояр Якова Пунтусовича Делегарда да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского да дьяка Семена Лутохина подъячей Офона Бражников, взяв с собой пятиконецких улицких старост Дмитрея Федорова Огородника з Движенские улицы да Петра Никитина сына Подошевника да Захарья Игнатъева сына Кожевника, и перед теми улицкие старосты спросил у Парфеевы матери Нарбекова у Настасьи, сколке да имени во вдоре вдов и мужних же <н> и детей и всяких людей и тому перепись.

Угримова мать Лупандина Анна, Ивановская жена Лупандина, а у ней жонка Парфеньева жена Нарбекова Овдотья, Осипова дочь Языкова да с нею трое детей, Григорей да две дочери: дочь Федора да Парасковья да у Парфеньевы матери у Нарбекова дочь Стефанида, Самуилов сын Нарбекова, Офонасей, Степан Ондреев сын Нарбекова, да у Настасьи ж работников две жонки да две девки, всего 14 человек.

И подъячей Офона Бражников спросил перед теми старосты у Настасьи Парфеньевы матери, есть ли каких у вас прибыльных людей после того, как Парфеней с товарищи из Новгорода отъехал.

И Настасья Парфеньева мать сказала: пришли де в Новгород октября в 23 день Степан Ондреев сын Нарбеков да Григорей Парфеньев сын Нарбекова к нам. А сказали, как отец его Парфеней, а мой сын из Новгорода поехал с князем Юрьем Мещерским да с Самуилом Дмитриевым сыном Нарбекова

³⁶ Уже в 1615 г., после отвоевания шведами Гдова, там были взяты копии с псковских писцовых книг 1585–1587 г. и использовались новгородской администрацией для ведения дел по поместьям (Дело по челобитью псковского выходца Тихона Чиркина. б. д. // Там же. Serie II: 225. Л. 4).

³⁷ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. сент. 1612 // Там же. Serie II: 229. Л. 13.

³⁸ Скорее всего, имеются в виду боевые действия зимы 1611–1612 г. в районе Устречского острожка.

³⁹ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. сент. 1612 // Ockupationsarckivet fran Novgorod, Riksarchivet, serie, Riksarkivet, Stockholm. Serie II: 229. Л. 12.

⁴⁰ Поручные записи по Новгородских помещиках и помещицах о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж // Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. II. № 9. I–II. С. 17–19.